

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 39(470.67)

АНДИЙЦЫ, АВАРЦЫ И ЛЕЗГИНЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ КАРОЛЯ КАЛИНОВСКОГО

П. Адамчевски

Институт Истории и этнологии им. И. Джавахишвили, Тбилиси

adprzem@op.pl

Аннотация: В статье представлены воспоминания Кароля Калиновского о жизни и культуре аварцев, андийцев и лезгин. Поляк оказался на Кавказе как ссыльный в царское войско, которое размещалось на этой территории. В 1846 г., однако, он был похищен и попал в качестве раба к независимым горцам. Именно тогда поляк познакомился с образом жизни людей, которые находились вне контроля российской администрации. В связи с тем, что основной целью К. Калиновского было вернуться на родину, он бежал в российскую армию. В Польшу солдат вернулся в 1858 г. и там написал свои воспоминания о пребывании на Кавказе.

Abstract: The article presents Karol Kalinowski's recollections of life and culture of Avars, Lezgians and Andians. The Pole found himself in the Caucasus as an exile of the royal army, which was located on this territory. In 1846, however, he was kidnaped and taken as a slave to independent mountaineers. It was then that the Pole got acquainted with the way of life of the people who were out of the control of the Russian administration. Due to the fact that K. Kalinowski's main purpose was to return home, he fled to the Russian army. The soldier returned to Poland in 1858, and there he wrote the recollections of his stay in the Caucasus.

Ключевые слова: поляки на Кавказе, Шамиль, аварцы, андийцы, лезгины.

Keywords: Poles in the Caucasus, Shamil, Avars, Andians, Lezgians.

Кароль Калиновски был родом из польской мелкодворянской семьи. Согласно информации, представленной в мемуарах, он родился 21 января 1821 г. в селе Калинино, которое сейчас находится в северо-восточной Польше на Мазурском поозерье. Для того чтобы получить надлежащее образование, родители отправили К. Калиновского в Варшаву к проживающему там дяде, который был монахом в собрании базилиан. Он учился сначала в гимназии, а затем поступил на курсы механики. Во время учебы К. Калиновского арестовали и обвинили в намерении эмигрировать из Российской империи. После четырех месяцев лишения свободы его освободили, так что он мог закончить обучение. Практику после окончания школы К. Калиновски проходил на заводе железнодорожного транспорта, а затем стал сотрудником Варшавско-Венской железной дороги. Вскоре, однако, он был вновь арестован, как сам написал, опять за намерение эмигрировать. На этот раз после девяти месяцев К. Калиновски был приговорен к ссылке в армию, дислоцированную на Кавказе (*Kalinowski K.*, 1883. С. 6–8).

Личная информация, зафиксированная самим К. Калиновским, отличается в деталях от его биографии, представленной в книге «*Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku*» («Польские ссыльные в Российской империи в первой половине XIX века») авторства Виктории Сливовской. Она содержит информацию, что причиной ареста К. Калиновского являлось не намерение эмигрировать из страны, как он сообщает в своих мемуарах, а участие в нелегальном кружке. В результате он был обвинен в *распространении демократических принципов в целях восстания, а также в чтении и хранении произведений побудительного содержания, их распространении и продаже* (*Śliwowska V.*, 1998. С. 255). Скорее всего, реальные причины ареста были приведены в книге В. Сливовской. Следует иметь в виду, что воспоминания К. Калиновского публиковались в Варшаве во второй половине XIX века и сначала должны были получить

разрешение царской цензуры. Таким образом, автор, вероятно, не хотел или не мог написать правду по этому вопросу.

К. Калиновски отправился в свое путешествие на Кавказ 15 декабря 1844 г. Его целью была крепость Внезапная, расположенная над рекой Акташ, недалеко от деревни Андреевка (Эндирей). В связи с тем, что весь поход проходил пешком и преодолеть нужно было более двух с половиной тысяч километров, до места назначения он добрался 10 июля 1845 г. Начатая тогда военная служба, однако, не продлилась, уже в следующем году К. Калиновского похитили и увезли к независимым горцам. Сначала он в качестве раба оказался у чеченцев, затем – у андийцев, а затем снова попал к чеченцам. Пребывая в Ведено, где находилась резиденция имама Шамиля, он принял ислам и несчастливо влюбился в местную девушку. После почти трехлетнего пребывания среди независимых горцев в качестве раба, К. Калиновски был освобожден Шамилем и мог жить среди них, как свободный человек. Тем не менее, после смерти любимой женщины он не имел больше никаких причин, которые могли бы заставить его остаться среди чеченцев, поэтому поляк решил бежать в царскую армию. В этом он видел единственную возможность возвращения в Польшу, по которой постоянно скучал. В рядах царской армии на Кавказе К. Калиновски служил еще несколько лет. В 1858 г. он вернулся на родину на основе коронационного манифеста царя Александра II. Этот документ, опубликованный в 1856 г., освобождал поляков от военной службы, а также амнистировал политических ссыльных, которые в качестве наказания были включены в ряды армии. После возвращения на родные земли К. Калиновски работал в бюро железной дороги. Он умер в Варшаве в 1882 г.

К. Калиновски не был обычным поляком-солдатом в царской армии. Он принадлежал к особенной группе ссыльных из окрестностей над Вислой, члены которой свои наблюдения и переживания на Кавказе опубликовали в виде книг или статей. Работа К. Калиновского под заглавием «*Pamiętnik mojej żołnierki na Kaukazie i niewoli u Szamila. Od roku 1844 do 1854*» («Воспоминания о моей солдатской службе на Кавказе и плене у Шамиля. От 1844 до 1854 гг.») – это интересный источник в кавказоведческих исследованиях, особенно в контексте познания государства, находящегося под властью Шамиля. Она также представляет ценный этнографический материал. Это связано с тем, что, помимо описания собственных переживаний и чувств, автор включал много информации о Кавказе – о социальных отношениях, культуре и обычаях местного населения. В то же время воспоминания К. Калиновского необычны потому, что они, вероятно, являются единственным примером работы европейца, который в течение нескольких лет жил среди свободных горцев Восточного Кавказа. По этой причине он как наблюдатель-участник мог передать много интересных наблюдений о жизни и организации жителей Чечни и Дагестана, которые в конце 40-х годов XIX века не контролировались властью российской администрации. Текст К. Калиновского приобретает значение также потому, что он имел возможность встретиться со многими влиятельными личностями среди горцев, в том числе и с имамом Шамилем.

В Польше фрагменты воспоминаний К. Калиновского были впервые опубликованы в конце 70-х гг. XIX в. в «*Gazecie Lubelskiej*» (рус. «Газета Любельская»). Затем они были дополнены в соответствии с оригинальной рукописью и после разрешения, выданного царской цензурой, что наступило 9 ноября 1882 г., добавлены в качестве приложения к еженедельнику «*Wędrowiec*» (рус. «Странник») с номера 1038, который был выпущен 11 ноября (по старому стилю 23 ноября) 1882 г., по номеру 1053 от 8 марта (по старому стилю от 24 февраля) 1883 г. В том же году все части были собраны воедино и опубликованы в форме книги. В этой статье представлена наиболее важная информация, которую К. Калиновски передал на тему трех этносов, проживающих в Дагестане – андийцев, аварцев и лезгинов.

Во время пребывания в крепости Ташкичу, у К. Калиновского разболелись глаза. По этой причине врач посоветовал ему утром и вечером гулять в близлежащих садах. Во время одной из таких прогулок поляк был похищен, а затем обменян на одного барана, и, таким образом, он попал в качестве раба к чеченскому хозяину в Гордали. Тот, однако, как признался сам К. Калиновски, был недоволен то его работой, то его слабым здоровьем, особенно больными ногами. В связи с чем чеченец продал его андийцу, который приехал в аул продать бурки и купить зерно (Kalinowski K., 1883. С. 56).

По прибытии в Андию поляк приписал ее жителям калмыцкое или монгольское происхождение (Kalinowski K., 1883. С. 63, 68). Свой тезис он основывал на том, что у населения заметил выпуклые, короткие лица с маленькими раскосыми глазами, что особенно отражалось у женщин. Кроме того, жители были среднего роста и относительно крепкого телосложения. Речь андийцев К. Калиновски описывал как отличающуюся от других диалектов горцев и

характеризовал ее как «поюще-растянутая». Согласно мнению поляка, особенно женщины и дети щебетали, как ласточки (*Kalinowski K., 1883. С. 68*).

Как заявил поляк, серьезной проблемой для строительства в Андии являлись трудности с добычей древесины. Дом, где он жил, по большей части состоял из камня. Все избы строились в один ряд под плоской крышей, засыпанной землей, и прочно уплотненной. Хозяйство обносили каменной стеной, в нем поддерживалась чистота. Изба хозяина была просторной, с большим камином, в котором над тлеющими углями на цепочке висел большой железный котел. Стены каменной избы старательно укладывались, но ничем не оштукатуривались. Они особенно пачкались около камина от дыма. На стенах висели большие плоские миски и фаянсовые тарелки. Над постелью хозяина, разложенной на голых каменных плитах, висели пистолеты, кинжал и шашка. Других украшений на стенах он не заметил. Углы избы были завалены черной овечьей шерстью, бурками и войлоком. Деревянные инструменты, назначение которых не знал Калиновски, были разбросаны в беспорядке на земле (*Kalinowski K., 1883. С. 65*).

Описывая одежду андийцев, К. Калиновски утверждал, что она походила на одежду других горцев Дагестана, но более напоминала чеченский наряд, чем аварский. Когда поляк прибыл впервые в Андию, он заметил, что у старых жителей были кожухи, с вывернутыми наверх длинной черной шерстью воротниками, а шерстяные концы воротников свисали аж до земли. Обычный костюм женщины состоял из шароваров, рубашки и колпака. Поляк отметил, что женщины носили наряд *странной формы на голове, спускающийся аж до земли по спине в виде узких стеганых одеял* (*Kalinowski K., 1883. С. 63*).

К. Калиновски в Андии попал к хозяину, имеющему четырех жен разного возраста и красоты. Его удивила неразрывная дружба и согласие между ними. Каждая из жен находилась в отдельной избе. Хозяин по очереди жил и кушал у них. Жены всегда сохраняли установленный порядок, даже если муж долгое время пребывал вне дома. Женщины имели отдельные хозяйства и помещения. Поляк отметил, что между собой они могли не дружить, если им казался такой уклад лучшим, однако безмятежный покой должен был царить среди них. Первая жена хозяина считалась главной, а другие как бы второстепенными, но всегда законными. Первую жену муж уважал больше всех, несмотря на то, что мог больше любить младших. Но все-таки он всегда стремился быть для всех одинаковым. Автор воспоминаний также подчеркнул, что такой обычай присутствовал среди всех народов гор (*Kalinowski K., 1883. С. 66*).

У каждой из женщин было несколько детей. К. Калиновски особое внимание обратил на то, что дети часто забегали в дом, принося либо палку, либо коровий навоз. Как пояснили ему впоследствии, это связывалось с тем, что ребенок, который начал ходить и понимать, не получал хлеб, пока на него не заработал. Из-за того, что в окрестности не хватало дров, а за ним и нужно было идти много километров, и дети собирали все, что горело (*Kalinowski K., 1883. С. 65*). По этой причине часто встречались группы ребятишек, бегающих по аулу с лопатками и собирающие по улицам навоз, который остался после утреннего выгона скота (*Kalinowski K., 1883. С. 66*).

К. Калиновски описал в мемуарах также церемонию мытья. Андийцы, как другие горцы, традиционно спали без одежды. После отдыха они залезали в большой таз, стоящий в комнате, и полностью обливались холодной водой. Аналогичный обычай поляк наблюдал у чеченцев, но он признает, что они это делали с некоторой скромностью и в одиночестве (*Kalinowski K., 1883. С. 64*).

Население Андии находилось под властью наиба Лабазана. Согласно К. Калиновскому, он являлся одним из трех человек в горах, у которых остался титул князя. Однако народ его не использовал. Каждый житель считал их равными с другими горцами, от которых они ничем не отличались. Лабазан, по мнению поляка, был богат и уважаем за свой характер. Он написал, что *будет наибом до тех пор, пока не появится кто-нибудь, более достойный этого места* (*Kalinowski K., 1883. С. 85*).

Андийцы казались К. Калиновскому спокойными и очень трудолюбивыми. Они никогда не участвовали в нападениях и грабежах. По мнению поляка, народ этот был состоятельным. Частично они занимались возделыванием земли, которой, однако, не хватало в виду рельефа местности. По этой причине, после продажи своих известных на всем Кавказе бурок и войлока, которые андийцы доставляли во все селения, находящиеся под властью Шамиля, себе они привозили в основном пшеницу и кукурузу. В основном андийцы занимались разведением овец. К. Калиновски описывал, что они были черные, как перья ворона, и с вьющейся шерстью, как мериносы. В то же время, шерсть характеризовалась мягкостью и длинной, и по этой причине стада славились в горах. Поляк обратил внимание, что они принадлежали к породе, называемой в

окрестностях «калмыцкая». Овцы отличались наличием курдюка у хвоста, но как отметил автор, ростом были не такие большие, как калмыцкие, которые паслись в степях (*Kalinowski K.*, 1883. С. 69).

Во время пребывания в Андии поляк в основном занимался уходом за овцами. Он часто пас их около андийского озера, находящегося рядом с аулом, и чаберлинского озера, расположенного уже в Чечне. В этих озерах, как он вспоминал, было большое количество форели, но местное население не ловило рыбу. В горах иногда этим занимались только солдаты царской армии (*Kalinowski K.*, 1883. С. 70). Кроме выпаса овец, К. Калиновски носил воду, промывал шерсть, возил деревья на ослах, обрабатывал поля и стерег стада. Эта работа превышала его силы, но, как он сам заявил, с ним обходились неплохо (*Kalinowski K.*, 1883. С. 70). Иногда поляк выезжал со своим хозяином в горы, развозя по аулам бурки и войлок. Во время одной из таких поездок он заболел и по этой причине остался в Тлох. Когда К. Калиновски поправился, то его андийский хозяин повздорил по вопросу оплаты с жителем аула, у которого находился поляк во время болезни. Из-за того, что они не могли прийти к соглашению, дело было отдано на рассмотрение Лабазану. Тот признал более виновным андийца, и в результате поляк стал рабом наиба. Недолго, однако, он у него пребывал. Вольные горцы разбили русскую почту, и поляка, которого считали писарем, отправили к Шамилю, находящемуся в Ведено.

К. Калиновски в своих воспоминаниях также поместил информацию об аварцах, которых часто называет таулинцами, хотя иногда он разделял эти два понятия. Это прослеживается в описании его жизни в Андии. Касательно этого периода он писал, что вместе со своим хозяином ездил в *Дагестан через Таулию и Аварию* (*Kalinowski K.*, 1883. С. 73). На основе воспоминаний трудно сделать однозначный вывод, какую территорию автор называет «Аварией», а какую – «Таулией». Из всей работы следует, что для К. Калиновского Таулия граничила с Андией. В свою очередь, описывая Авария, он разместил информацию, о том что это горный район, простирающийся *выше Сулака, аж до реки Койсу* (*Kalinowski K.*, 1883. С. 73), но, в то же время, не уточнил, какую из рек, имеющую в названии «Койсу», он имел в виду. Тем не менее, основываясь на нескольких абзацах, можно сделать заключение, что понятие «Авария» и «Таулия» были для автора синонимами. Например, он писал, что, когда заболел, должен был остаться в Тлохе, расположенном в Таулии (*Kalinowski K.*, 1883. С. 75). Когда улучшилось здоровье, К. Калиновски вышел из аула и начал спускаться с *высоких гор Аварии* (*Kalinowski K.*, 1883. С. 81). Кроме того, в отрывке его работы, характеризующем Шамиля, написано, что тот *был таулинцем, рожденным в ауле Гимры* (*Kalinowski K.*, 1883. С. 113). В данной статье, чтобы не вводить терминологической путаницы, все части текста, в которых К. Калиновски описывал таулинцев, отнесены к аварцам, без ссылки на то, что именно в этом месте использовался термин «таулинец» или «Таулия».

Для поляка Авария казалась землей, живописно раскинутой, разнообразной красивыми высокими горами, которые по большей части были плоскими. Он отметил, что там царил разнообразие зерновых культур и другой растительности, выращиваемой почти до самых высоких вершин. Чаще всего местное население культивировало пшеницу, рожь, ячмень, редко - где-то кукурузу, просо, чечевицу, коноплю, а порой и лен (*Kalinowski K.*, 1883. С. 73–74). Что касается размещения аулов, то К. Калиновски поместил информацию, что, как и везде в горах, на безлесной земле здания строились из камня. При этом почти всегда селения располагались на склонах гор в виде красивых амфитеатров. Поляк отметил, что аварцы, как и большая часть других горцев, были очень талантливы в строительном искусстве, а также в проведении воды в горы. Аварцы каждое высокое место, где бы только ни жили, освежали проточной водой, которую искусственно там доставляли (*Kalinowski K.*, 1883. С. 80). К. Калиновски также высоко оценил их инструменты, которые носили *клеймо практичности и простоты*. Используемые механизмы горцы старались сделать как можно проще и дешевле. (*Kalinowski K.*, 1883. С. 75).

К. Калиновски в аварских аулах обратил внимание и на весьма впечатляющие мечети. Они строились из плит определенной толщины и размера, нарезанных из камня. Затем их клали без всякого цемента или другого раствора так плотно и точно, что, казалось, они составляли единое целое. Внутри мечети всегда были чистыми. На пол настилали свежие, ароматные травы и покрывали толстым, часто желтым, войлоком. В передней, специально отведенной части мечети были устроены используемые для омовения, достаточно обширные бассейны из камня, наполненные проточной водой (*Kalinowski K.*, 1883. С. 77). Таких сеней К. Калиновски не встречал, в чеченских мечетях (*Kalinowski K.*, 1883. С. 124). Далее, описывая аварские мечети, он писал, что их фасад и место для муллы украшались текстами из Корана, которые умело

вырезались на камне. Других убранств он не заметил. Своды опирались на изящно изготовленных столбах одинакового размера и формы (*Kalinowski K.*, 1883. С. 77).

В нескольких фрагментах воспоминаний К. Калиновски отметил, что аварцы были более религиозны, чем чеченцы. Одним из таких примеров является абзац, описывающий рамадан (К. Калиновски использовал в воспоминаниях тюркское название «ураза»), который аварцы якобы строже соблюдали, чем чеченцы. В период праздника от рассвета до появления первых звезд вечером мусульманин не мог принимать никакой пищи и напитков и даже купаться, чтобы случайно вода не попала в рот. Но ночью каждый мог кушать, сколько хотел (*Kalinowski K.*, 1883. С. 132). Поляк также уточнил, что никакие праздники не освобождали мусульман полностью от работы. Во время их продолжительности они занимались своими обычными занятиями, если в это время у кого-то не было гостей, что, однако, как подчеркивал автор воспоминаний, редко встречалось, особенно в Аварии (*Kalinowski K.*, 1883. С. 165).

В основном аварцы занимались земледелием, хотя среди них находились талантливые мастера по изготовлению режущего и огнестрельного оружия, изделий из меди, серебра и других металлов (*Kalinowski K.*, 1883. С. 76). Любое практическое умение высоко ценилось у них. Каждый мастер гордился своим ремеслом и держал втайне от других детали своей работы (*Kalinowski K.*, 1883. С. 79). Аварский сафьян, по мнению поляка, имел преимущество даже перед русским (*Kalinowski K.*, 1883. С. 76). Кроме того, аварское сукно характеризовалось тонкостью и гладкостью нитей (*Kalinowski K.*, 1883. С. 219). В связи с отсутствием пастбищ больших стад овец и крупного рогатого скота аварцы не держали. Лошадей разводили небольших, но ловких, стойких, особенно приспособленных к передвижению по скалистым горам и утесам, смело преодолевающих тропинки, проложенные над пропастями. На К. Калиновского произвели впечатление аварские сады и огороды. По его мнению, аналогичные не встречались даже в передовых европейских городах. Эти сады были расположены между скал, куда почва часто была занесена руками человека. Там росли огромные орешники, которые тянули свои ветви над более низкими плодовыми деревьями, защищая их от палящих лучей солнца. Сады были полны абрикосовыми, персиковыми, грушевыми, яблоневыми, черешневыми и другими деревьями, а также виноградной лозой. За ними всегда тщательно следили и их поддерживали в абсолютном порядке и чистоте. Обычно они огораживались общим каменным забором. Внутри прокладывались ровные и аккуратные дорожки, разделяющие сад на отдельные части, имеющие почти одинаковый размер и форму, каждая из которых принадлежала одному владельцу. С помощью специально вырытых каналов, тщательно обложенных каменными плитами, к ним подводили свежую и чистую воду из рек. В дополнение к этому, строили резервуары и дамбы. При необходимости утром вода распределялась по всему саду. Также возводились террасы, поддерживаемые каменными фундаментами, которые обсаживали лозой, персиками или абрикосами. Поляк отметил, что аварцы не сеяли много овощей. В основном, они выращивали репу, красную, как свекла, морковь, пастернак и немного местных овощей (*Kalinowski K.*, 1883. С. 76–77).

Описывая аварцев, К. Калиновски отметил, что это был народ сильный, рослый, с красивым телосложением, с серьезными лицами, высокими и широкими лбами, а также большими, круглыми головами. По характеру они казались медлительными, но с другой стороны, непоколебимыми. Говорили мало, но основательно и практично (*Kalinowski K.*, 1883. С. 75). В то же время, тратить время на пустые разговоры считали грехом. Лучшие намерения, выраженные в словах, ни за что не считали – только действие, как подтверждение воли, имели для них значение. Общей чертой для всех горцев поляк считал то, что если их о чем-то просили, то даже если они не отказали, то не спешили с исполнением. Долго и часто нужно было напоминать о просьбе, прежде чем ее выполняли или, в конце концов, отказывали ей (*Kalinowski K.*, 1883. С. 79).

По словам К. Калиновского, аварцы представлялись любопытными в высшей степени. Неизвестную вещь они с интересом рассматривали, пока ее полностью не изучили. Возможно, вследствие этого среди аварцев, как с признанием отметил поляк, жили даже такие, кто умел отремонтировать часы, а почти каждый из них знал механизм и мог разобрать и собрать их обратно (*Kalinowski K.*, 1883. С. 80).

Чтобы приблизить к читателю образ жителей Дагестана, автор воспоминаний написал, что их характер имел в себе что-то славянское. По его мнению, аварцы по характеру и телосложению были похожи на малороссов, в то время как чеченцы и кабардинцы своей непокорностью, свободой и легкостью характера напоминали поляков. К. Калиновски отметил, что, конечно, обстоятельства эти характеристики изменяли, но изначальные черты были еще не стерты и совсем свежи. Для него горцы имели также такую красивую черту, что в критических ситуациях делились

даже самым маленьким кусочком хлеба с товарищами. Если их собралось, например, несколько, то они обязательно делили единственный хлеб на столько равных частей, чтобы каждый получил одинаковую порцию. Аналогичную честность также сохраняли при распределении добычи (*Kalinowski K.*, 1883. С. 217–218).

Что касается боевых способностей, К. Калиновски характеризовал чеченцев как особенно мужественных в лесах, а аварцев – в горах. При этом аварцы действовали в группах, как на лошадях, так и без них, особенно при защите или нападении на форты, а чеченцы чаще в одиночку и неожиданно. По мнению поляка, оба этноса были одинаково умны как из-за врожденных к этому качеств, так и благодаря преобладающему здравому смыслу. При этом чеченец якобы хвастался тем, что у него разум в глазах, а аварец, что его голова не пустая, а заполненная маслом и полна разума (*Kalinowski K.*, 1883. С. 217). К. Калиновски отметил, что аварцы как солдаты были очень воинственные и стойкие и, как и все горцы, они сражались из засад, организованных в горах. На врага наступали толпой, и горе ему, если их не остановили в первой атаке. Мертвых неприятелей раздевали догола, а иногда похороненные тела павших русских откапывали, обнажали и жестоко злорадствовали над ними. Если они и разделяли добычу добросовестно на равные части, то, по мнению поляка, жадные до ограблений, часто дрались между собой за вещи без какой-либо ценности, особенно, во время беспорядков (*Kalinowski K.*, 1883. С. 81).

По мнению К. Калиновского, жадность горцев (описывая данное качество, автор воспоминаний использовал термин «горцы», но эта часть его работы была посвящена, в основном, аварцам, однако трудно сделать вывод о том, относится ли характеристика к аварцам или ко всем горцам в Дагестане и Чечне) к серебру и их алчность были известны, и когда единожды они получали деньги, то редко расставались с ними. Свои потребности они пытались удовлетворить обменом собственных продуктов на другие. По этой причине некоторые имели много денег. Собранные рубли они обычно складывали в плетенки из маленьких прутиков, называемые сапетками. Если бы однажды такая сапетка была заполнена до краев, то, как писал поляк, пусть бы сам Магомет просил рубль, то, вероятно, не получил бы ничего. Горец бы оправдывался, что если кому-то даст монетку, то второй раз она уже не вернется в сапетку. Сапетки эти прятали в ямах, вырытых в избах под каменными плитами. Другой характерной особенностью местного населения для К. Калиновского была совесть. Горец никого не обманывал, но и сам вел себя слишком осторожно, чтобы его не одурачили. Прежде чем оценить какую-то вещь, он шел за советом к другим, и только тогда уходил довольным, когда несколько оценщиков соглашались в одном. В горах ходила серебряная и золотая русская монета, редко персидская или грузинская. Автор воспоминаний подчеркнул, что местные не принимали меди, кроме как в качестве материала для каких-либо изделий. Поляк также отметил, что в горах было много медной посуды, такой, как большие тазы для мытья и различных размеров кувшины и горшки. Тем не менее, он подчеркнул, что не знал, откуда была эта медь, так как никаких шахт в Дагестане не было (*Kalinowski K.*, 1883. С. 78–79).

Описывая процесс обучения среди горцев, К. Калиновски написал, что обычно молодежь отправлялась в мечети в Аварии, где она в местных аулах находила необходимое пристанище, питание, одежду, книги и учителей. Образование основывалось на интерпретации Корана, шариата и других религиозных книг. Поляк отметил, что наук в европейском понимании местные жители совсем не знали, и представлялось трудным что-то из них ввести в местное образование. Вообще, горцев К. Калиновски считал умственно способными и любознательными, но не делающими больших успехов в области образования из-за ограниченных потребностей. Они не имели представления о другом быте, кроме их собственного, и по этой причине их экономика всегда стояла на одном уровне. По мнению автора воспоминаний, горцам было достаточно удовлетворить свой голод и укрыть тело от жары летом и холодов зимой, и они полностью этим довольствовались (*Kalinowski K.*, 1883. С. 80).

К. Калиновски отметил, что среди местного населения почти каждый умел читать и писать, в то время как перевод с арабского ежедневных молитв считался уже более ценным умением. Он также подчеркнул, что в письме во всех этнолектах в горах используются арабские буквы. Их религиозные книги и законы писались от руки, напоминая не известную здесь печать. Для письма они используют камыши, а чернила производят из проса. В качестве календаря местному населению служила луна, а ее цикл заменял письменный календарь (*Kalinowski K.*, 1883. С. 213). Почти каждый богатый аварец владел часами и компасом, при помощи которого определял направление меридиана при своих ежедневных молитвах (*Kalinowski K.*, 1883. С. 80).

Интересный отрывок в воспоминаниях касается так называемых принудительных обетов, которые практиковались преимущественно в Аварии. Их введение было связано с тем, что Шамиль увидел проблему уменьшения численности населения в стране из-за постоянно продолжающейся войны. По этой причине, для того, чтобы остановить негативную тенденцию, имам запретил жить в течение длительного времени без заключения брака вдовам и совершеннолетним мужчинам и женщинам. Для этого два раза в год в аулах проводилась ревизия. Незамужних и неженатых совершеннолетних садили в ямы – отдельно мужчин и отдельно женщин – и устанавливали, почему они не состоят в браке. Затем объединяли сначала тех, кто знал друг друга и хотел этого, но были некоторые препятствия. Затем вводили других мужчин к женщинам с закрытыми лицами, и они выбирали себе жену наугад. В случае вступления в брак при таких обстоятельствах мужчина не платил калым за свою жену (*Kalinowski K.*, 1883. С. 192).

К. Калиновски написал, что потехи на церемониях и семейных торжествах среди независимых горцев запрещались, чтобы народ только Творца держал в памяти и исключительно его просил о благополучии для страны и о собственном будущем спасении. Поляк отметил, что, однако, обычай был сильнее, чем писанный закон, и по этой причине при определенных обстоятельствах проходили забавы, но не слишком публично. На свадьбах обычно собирались молодые люди и танцевали лезгинку. Иногда девушки, особенно в Аварии, пели песни новобрачной, сулящие ей супружеское счастье и гордость за будущих сыновей, о чьих героических поступках и грустной смерти на войне пели в первую очередь. Таким образом, они пытались ознакомить будущую мать защитников страны с ее грядущим счастьем, гордостью или отчаянием (*Kalinowski K.*, 1883. С. 195–196).

Описывая аварский костюм, автор воспоминаний подчеркнул, что он был похож на лезгинский, только немного дороже. Аварцы часто украшали оружие серебром, иногда очень изысканно. Чепраки расшивали шелком разными восточными узорами. Хиталы, т.е. сафьяновые подкованные железом мужские башмаки, шили на подошве из кожи буйвола с острыми завернутыми вверх носами. Более состоятельные аварцы носили зимой войлочные ботинки, по форме напоминающие венгерские, с длинными до колен голенищами, и вышитые различными узорами (*Kalinowski K.*, 1883., С. 77–78). Согласно поляку, среди аварцев царила своего рода элегантность. Их одежда часто была богата. Ткань использовали персидскую или грузинскую, отделанную серебряной тесьмой, очень красиво изготовленной (*Kalinowski K.*, 1883. С. 80).

К. Калиновски также отметил, что среди аварцев разница между сословий более бросалась в глаза, чем у чеченцев. В Аварии жили богатые и бедные, приходящие на собрания. Бедные никогда не были на «ты» с богатыми. Автор в своих мемуарах оставил информацию, что подданство отсутствовало во всех горах и только военнопленных из иностранных государств держали в качестве рабов для службы. Он добавил, что грузины особенно ценились, как народ трудолюбивый и крепкий (*Kalinowski K.*, 1883. С. 78).

Из трех упомянутых в заглавии этносов, меньше всего информации К. Калиновски представил о лезгинах. Они появляются в его мемуарах, так как поляк со своим хозяином-индийцем часто отправлялся к ним торговать бурками. Путники прибывали к лезгинским аулам на пятый день после отправления из Андии (*Kalinowski K.*, 1883. С. 71).

Описывая лезгин, К. Калиновски утверждал, что это самый жестокий и свирепый народ из числа жителей Дагестана. По его мнению, счастьем было то, что у его хозяина были свои кунаки среди них, в доме которых их приветливо встречали. Тем не менее, в незнакомых местах им с трудом удавалось получить кусок хлеба и кров на ночь. Поляк отметил, что лезгины были крепкого телосложения и почти гигантского роста. При этом двигались они медленно, но характер имели жестокий и дикий. По мнению поляка, этот народ был смелым в боях, проводимых внутри крепостей и на каменистой местности, в то время как при грабительских набегах показывал чрезвычайную жестокость. Чтобы доказать это, К. Калиновски привел пример, что молодой человек, который впервые отправлялся за добычей в Грузию, свою первую жертву убивал и отрезал ей руки. Принеся их позднее в родной аул, одну из них прибывал с молитвой на устах на дверях мечети, а другую на сакле своего отца. Так мог выглядеть обряд вступления юноши в мир убийств и войн (*Kalinowski K.*, 1883. С. 72–73).

Лезгинские костюмы напоминали К. Калиновскому старопольские, от которых они якобы почти ничем отличались. Касательно домов, поляк написал, что лезгины строили их из камней, а их плоские крыши делали из уплотненной глины. В дополнение к традиционному применению, в прохладные дни их использовали как террасы для принятия солнечных ванн. Как отметил автор воспоминаний, все лезгинские избы топились по-черному. Камин у них отсутствовал, а вместо

этого в середине комнаты устраивали большой костер без дымохода. Дым, исходящий оттуда, наполнял всю избу, потом через отверстие, сделанное в потолке прямо над кострищем, выходил наружу. Поляк при этом писал, что избы были просторные и в то же время нечистые. Зимой в них находились и люди, и животные. К. Калиновски также отметил, что лезгины постоянно в доме зимой и летом носили огромные овечьи тулупы из-за холодов, наступающих в вечернее время, ночью и под утро (*Kalinowski K.*, 1883. С. 71–72).

В воспоминаниях можно также найти абзац, посвященный женщинам. По мнению К. Калиновского, нравственность лезгинок, как и всех женщин разных горских народов, была на высоте и ничем не запятнана. Поляк сообщил, что некоторые женщины обладали заметной красотой, с правильными римскими чертами лица, но выглядели чрезвычайно неопрятно. Он написал, что шаровары (т.е. широкие, длинные штаны, гофрированные в талии и щиколотках) они не носили, а использовали все лето одну рубашку из местной ткани, а другую, сделанную из овчины, надевали зимой. К. Калиновски подчеркнул, что особенно у старых женщин были отвратительно грязные руки. Этот дефект он связал с тем, что хотя они мылись пять раз в день перед каждой из пяти молитв, то сушили свои руки над дымом, не используя не известные здесь полотенца. В результате это вызывало еще большее загрязнение. Поляк также отметил, что кухонную утварь, деревянные миски и ложки они не мыли (*Kalinowski K.*, 1883. С. 72).

К. Калиновски в своих воспоминаниях привел информацию о представленных в данной статье этносах народов Дагестана – андийцах, аварцах и лезгинах. Большая часть его работы касается, в свою очередь, Чечни и чеченцев, среди которых он прожил значительную часть своего пребывания у независимых горцев, в первую очередь, находясь в Ведено.

ЛИТЕРАТУРА

Kalinowski K. Pamiętnik mojej żołnierki na Kaukazie i niewoli u Szamila. Od roku 1844 do 1854. Warszawa, 1883. – 256 с.

Śliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Warszawa, 1998. – 835 с.